

«Нужно быть порядочным человеком,

Александр АКУЛИНИЧЕВ

Тринадцатого апреля профессору кафедры журналистики ВолГУ Виталию Борисовичу Смирнову исполнилось 75 лет

Виталий Борисович работает в Волгоградском государственном университете со дня его основания. Более 20 лет он возглавлял кафедру журналистики, параллельно исследуя русские литературно-художественные журналы XIX в. – в частности, «Отечественные записки» времен Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина*. Опыт гениев прошлого профессор Смирнов переносил и продолжает переносить на волгоградскую почву, редактируя журнал «Отчий край». В 2008 г. вышла первая художественная книга Виталия Борисовича, роман-воспоминание «Житие святого Глеба», основанный на биографии незаслуженно забытого в наши дни писателя Глеба Успенского*. Книга, имеющаяся в наличии в библиотеке ВолГУ, полна интересных мыслей, актуальных и сегодня – с одной из таких мыслей мы и начали наш разговор с юбиляром.

– **Вашу книгу «Житие святого Глеба» предвзывает следующая цитата из Гоголя: «Я писатель, а долг писателя не только доставление приятного занятия уму и вкусу; строго взвешется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется ничего в поучение людям». А как вы считаете, должно ли следовать тому же правилу интервью? Распространяется ли оно на журналистов?**

– К журналистике оно, конечно же, применимо. Не должно быть бесполезной журналистики.

– **А где грань между полезной журналистикой и бесполезной?**

– *(задумывается)* К примеру, рекламная журналистика имеет только одну пользу, чисто прагматическую, а полезность этой профессии не ограничивается чистой прагматикой. Вот когда журналистика занимается нравственным воспитанием, тогда, я считаю, она и становится полезной. Что печатные СМИ, что электронные сегодня почему-то сосредоточились в основном на развлекаловке, а существенного воздействия на все сферы развития общества – политическую, экономическую, нравственную – не оказывают. Оттого журналистика и вызывает у меня неудовлетворенность. Как бы мы ни хотели сказать, что литература должна иметь чисто эстетическую направленность, истинная, главная ее функция – это нравственная полезность. То же относится и к журналистике. Само собой, такая дидактичность не должна быть представлена в лобовую: декларациями особо не поможешь.

– **Отношение к журналистике сегодня в основном скептическое, а подчас и негативное. Каким оно было в те годы, когда вы окончили Саратовский университет и начинали работать в газетах?**

– Я даже и не окончил его еще, когда начал работать. К журналисту тогда было такое отношение, какого сейчас нет: на все, что было опубликовано критического в газете, власти сразу же реагировали, и рубрика «По следам наших выступлений» была практически во всех изданиях, начиная от центральных и заканчивая районными. Сейчас на публикации редко обращают внимание. Тогда журналистика была действенным средством, а сейчас все уходит в пустословие: власти не реагируют и, более того, встречая критические замечания в свой адрес, по головке журналистов не гладят. Тогда, впрочем, тоже не гладили – если, скажем, пойдешь против секретаря райкома партии, а тем более обкома. Я начинал ответственным секретарем в газете одного из районов Саратовской области. Качественный ценз журналистов был тогда весьма низкий: мне приходилось работать с редакторами, имевшими четырехклассное образование. Один, например, был директором бани, в которой парились райкомовцы, а потом стал редактором газеты. С четвертого курса меня взяли ответственным секретарем и, по сути, я всю газету вел сам. Были истории, когда меня по головке не гладили.

– **Например?**

– Я тогда был юмористически-сатирически настроенным человеком, писал фельетоны и сатирические стихи – так сказать, боролся с пороками общества. А в обществе порочной была не только масса, но и партийные деятели, постоянно находившиеся под защитой вождей. Критичнешь, а тебе скажут – нехорошо поступаешь. С 1961 г. я работал в саратовской областной газете «Заря молодежи» в отделе пропаганды и агитации и в конце июля, когда начались хлебоуборочные работы, написал фельетон про одного председателя колхоза. Тогда на уборку привлекалось население, и приезжим были созданы отвратительные рабочие условия и условия проживания. Фельетон назывался «Об углах и пирогах», его

сопровождало небольшое четверостишие, в котором я назвал председателя колхоза Наполеоном: «сам себе Наполеон», его потом так и стали называть в селе. Опубликовал я это в «молодежке», а буквально через три дня в партийной газете появилась целая колонка, где меня раздолбали, причем набор всяких эпитетов и штампов был прямо из постановлений о журналах «Звезда» и «Ленинград»*: вот, мол, я глумлюсь над простыми советскими людьми. Председатель колхоза, оказалось, был Героем Социалистического труда и членом пленума обкома партии, то есть лицом, не подверженным критике. Раздолбали меня, и первый секретарь обкома, Алексей Алексеевич Шибяев, позже пошедший на повышение в ревизионные комиссии ЦК, позвонил редактору «молодежки» и потребовал, чтобы здесь духу моего не было – несмотря на то, что за неделю до этого он на одном пленуме читал мой очерк и говорил: «Вот так нужно писать».

Редактор мой говорит после этого звонка: «Ну, что делать будем... Давай я сейчас позвоню редактору «молодежки» в Сталинград». Позвонил, спросил, есть ли место. Есть, я и уже в августе переехал туда, снова в отдел пропаганды и агитации. И я опять взял и написал фельетон. Назывался он «Патентованная халтура»: поехал на рынок, изучил продукцию местных кустарных промыслов, и по этому поводу написал фельетон, кое-кого из торговых сетей задев. Фельетон к публикации не пропустили, я проработал неделю, написал заявление об увольнении и вернулся в Саратов поступать в аспирантуру.

– **А если бы не случилось этих историй с фельетонами, вы остались бы в журналистике?**

– Ну, я и учась в аспирантуре, и работая преподавателем, публиковался в газетах и журналах постоянно...

– **Но все-таки это было на втором месте, по сравнению с учебой и преподаванием?**

– Разумеется. Это было, так сказать, хобби. Когда я переехал сюда, в 1980 г., публиковался и в «Вечернем Волгограде», и в «Волгоградской правде». В 1992 г. меня взяли на работу главным редактором газеты областного совета, «Новой газеты», которую до этого издавал Ефим Шустерман. Там я поработал год полтора. А потом, при губернаторе Иване Петровиче Шабунине, возникла идея издавать литературно-художественный журнал. Идея эта витала в воздухе и раньше: в 20-е гг. в нашем регионе выходило несколько таких журналов, в 1965 г. в обком поступило аналогичное предложение, но обком отказался, и инициативу взял на себя Саратов, где открылся журнал «Волга». И вот с 1994 г. в Волгоградской области начал выходить журнал «Отчий край», где я вплоть до недавнего времени был главным редактором.

Нравственная остойчивость

– **Судя по вашему рассказу, вы из тех людей, кто, видя какую-то проблему, тут же на нее набрасывается. Русская интеллигенция всегда мечется между двух зол: либо мириться с властью, либо ее критиковать. Какая позиция вам ближе?**

– Понимаете, не все делится на черное и белое, есть и нечто серое, среднее между ними. В советское время черное не котировалось, но приходилось находить какой-то компромисс между резкой критикой и лояльным отношением к власти – никто почему-то не изучал эту любопытную проблему, не изучал то, как журналисты и литераторы учились излагать мысли эзоповым языком. В этом смысле мы наследовали традициям дореволюционным. У нас, разумеется, был внутренний цензор, и мы выбирали именно то, что могло пройти в номер.

– **Получается, что в истории России практически не было времени, когда над журналистами не стоял бы цензор...**

– Такие времена и сейчас, между прочим, наступили. И давление только усиливается. Я хочу сказать, что царская цензура была гораздо либеральнее советской. Один Салтыков-Щедрин чего стоил! Не то в советское время – я даже не помню, чтобы при Сталине какие-то сатирические статьи или памфлеты появлялись.

– **Виталий Борисович, кем вы считаете себя в большей степени: журналистом, ученым, преподавателем, писателем, меценатом?**

– *(без паузы)* Порядочным человеком. Независимо от профессии.

– **А что такое порядочность, по-вашему?**

– Вот видите, значит, вы не знаете! *(улыбается)* Потому что это понятие исчезло из лексикона, это уже архаизм. Прежде всего, под порядочностью я понимаю честное отношение к жизни и к своим служебным, профессиональным обязанностям. Порядочному человеку необходимо иметь нравственную остойчивость – это такое морское понятие: корабль не должен бултыхаться из стороны в сторону. Так и человек должен иметь собственное мнение по многим вопросам и никому не поддгирывать.

– **Откуда берется такая остойчивость?**

Виталий Борисович Смирнов с участниками Тургеневской конференции в Спасском-Лутовиново (1983 г.)

– Из нравственности, которая в человеке заложена.

– **Заложена? То есть, она врожденная?**

– Я полагаю, что нравственность есть качество генетическое. Искусственно ее не воспитаешь.

– **Что же тогда значат все разговоры о необходимости правильно воспитывать детей, о возрождении нравственности?**

– Чем больше будет порядочных людей, тем выше будет и наша социальная нравственность. Наверное, здесь нужен пример из жизни... Окончив аспирантуру, я принялся искать работу. Моей жене, которая тоже недавно окончила аспирантуру, также нужна была работа, и два места я нашел только в Кургане – с предоставлением квартиры. Нас выбрали по конкурсу, меня старшим преподавателем, ее ассистентом – и мы несколько лет, с 1965 по 1968 гг., там работали. В 1968 г. у нас сильно разболелась дочь, диагноз никак не могли определить, а у меня в Уфе работала родная тетя, сестра отца, была профессором, проректором Башкирского мединститута, позже – главным отоларингологом страны, и муж у нее был медиком, занимавшимся ранним распознаванием рака. Тетя мне сказала: приезжай в Уфу, у меня здесь есть хороший врач-педиатр, я думаю, что мы все определим.

А как раз в это время открылся Башкирский пединститут. Я написал письмо ректору, и он тут же мне позвонил: приезжайте заведовать кафедрой, квартиру мы немедленно предоставим. Начались баталии: курганский обком меня не отпускает, башкирский с ним все время переговаривается. Первый секретарь курганского обкома в итоге сказал: «Отпустим, но без взыскания не получится». На первом заседании институтского партбюро меня хотели исключить из партии, но консенсуса не получили, оставили до следующего заседания. На втором партбюро после долгих споров мне объявили строгий выговор. Я зашел к ректору Курганского института Кондрашенко и сказал: «Ну что, Александр Алексеевич, добились своего? Как вы будете смотреть мне в глаза, когда мы с вами встретимся где-нибудь?». Так и случилось: через некоторое время оказались мы на одной конференции в Смоленске, и я тут же подошел к нему. А он: «Да что, ты извини, у нас народ разбежался, поэтому вот, решили продемонстрировать...». Но самое интересное, что выговора я в итоге так и не получил: как раз в то время вышло постановление, чтобы людям, идущим на повышение, никаких партийных препон не делали.

Ностальгия по продуктивной молодости

– **За время своей деятельности вы опубликовали более 400 научных работ, полтора десятка книг... Если даже просто посчитать, то это выходит 8-10 публикаций в год, по книге в два-три года – когда вы все успевали?**

– В Башкирском институте меня сразу избрали секретарем парткома. А это значит, что к девяти утра, независимо от того, есть у тебя занятия или нет, ты едешь в институт и занимаешься парткомовскими делами. Параллельно читаешь лекции. Возвращаешься домой, часок отдохнешь – и садишься писать докторскую.

– **А на выходных?**

– А на выходных – то же самое. Годы-то какие были: чего ж там, тридцать с чем-то лет! Дом, в котором мне дали квартиру, располагался прямо в лесу: так зимой придется с работы, встанешь на лыжи, походишь по лесу, а потом ночью хорошо работается.

– **А сон?**

– Как у Петра Первого, три-четыре часа. В 1980 г., 23 сентября, я защитил докторскую

диссертацию в Пушкинском Доме – это была первая защита докторской в нашем университете. Хотя готова она у меня была в 1975-м, защитить удалось лишь спустя пять лет. Сектором новой литературы в Пушкинском Доме заведовал Никита Иванович Пруцков, с которым мы немножечко конфликтовали: он мыслил несколько ортодоксально, и я даже в одной из статей причислил его к «обозному литературоведению». Ему это запомнилось: диссертацию-то он принял, но потом три с лишним года мурзил ее, и только когда тяжело болел, пригласил меня обсудить возможность защиты.

– **Получается, очень многое в защите диссертации, в поиске работы, в учебе зависит от каких-то знакомств, личных связей?**

– Не связи, а личные взаимоотношения: «связи» – нечто блатное, я этим инструментом никогда не пользовался.

– **Просто, наверное, это один из ключевых нравственных конфликтов современной молодежи: либо ты имеешь отношения с нужными людьми и продвигаешься по карьерной лестнице, либо...**

– Ну-у-у, сейчас все на этом построено.

– **Как, по-вашему, порядочность и использование личных взаимоотношений могут быть вместе?**

– Общаться по интересам, скажем, научным – это одно дело, а выколачивая из этого бытовые преимущества – другое.

– **А звать на работу своих друзей?**

– Например, когда наш университет только открылся, я одного человека позвал из Башкирского пединститута. Ведь поначалу мне приходилось и историко-литературные, и теоретико-литературные курсы читать самому. Вот я и пригласил Радия Алексеевича Карабанова, чтобы он читал теоретические курсы. Но ведь у нас каждый, кто когда-то занимал руководящую должность, на последующую работу подбирает себе коллектив из хорошо знакомых ему людей, чтобы была какая-то опора. Если это приглашение по профессиональному признаку, то ничего негативного в нем я не вижу.

– **Вы обозначили жанр «Жития святого Глеба» как роман-воспоминание. Любите ли вы предаваться воспоминаниям и подвержены ли ностальгии?**

– Да. Ностальгия бывает по временам продуктивной молодости.

– **Эти времена имеют какие-то четкие границы? Когда же закончилась молодость?**

– Лет, наверное, до пятидесяти. Я имею в виду продуктивное время. С 1968 г. мне пришлось заведовать кафедрой сначала в Башкирии, а потом и в Волгограде. Мне довелось работать в двух вузах, которые создавались с нуля. Все делалось впервые: приходилось собирать кафедру, формировать учебные планы... В Башкирии удалось внедрить планы, по которым обучались в классических университетах. Мы вели спецсеминары, наши студенты писали дипломные работы, и кафедра наша, по отзывам тогдашнего министерства просвещения, занимала шестое место среди педагогических вузов Советского Союза. Сейчас энергии поубавилось. 35 лет кафедральной работы, административная работа в газете, редакторская работа в журнале отнимали массу времени, и многого мне не удалось совершить. Надеюсь, что уйдя на чистый пансион, я многое успею написать.

– **Если не секрет, то что это за планы?**

– Хочу написать новую книжку, может быть, для «Молодой Гвардии» – в серию «ЖЗЛ» про Глеба Успенского. И еще одна, давно мною вынашиваемая идея, это целостный анализ русского литературно-художественного журнала на материале «Отечественных записок».

независимо от профессии»

В. Б. Смирнов, А. И. Смирнова с дочерью Эльмирой, выпускницей факультета филологии и журналистики ВолГУ (1999 г.)

Кроме того, давно зреет у меня создание летописи русской литературы хотя бы, скажем, второй половины XIX в. В ИМЛИ*, когда я десять лет назад озвучивал эту идею, ее одобрили, но исполнителей не хватает: ни молодых, ни пожилых. Жанр летописи, вся хронология национальной литературы вплоть до произведений второстепенных писателей, чрезвычайно важен. Нужно, чтобы все это было зафиксировано, потому что иногда даже второстепенные писатели могут стать более актуальными, чем первостепенные – потому что сама эпоха, само время, в котором функционируют эти произведения, актуализирует их, приводит к каким-то иным интерпретациям.

А первостепенная задача – осуществить цикл книг (их должно быть четыре, вышла только первая) под общим заглавием «Воевал под Сталинградом...», о советских писателях-участниках Великой Отечественной войны.

– Не этим ли вызван ваш интерес к Глебу Успенскому – тем, что его можно было бы актуализировать?

– Да его постоянно нужно бы держать в поле читательских интересов. Это крупная фигура, которую незаслуженно забыли. Вообще-то во второй половине XIX в. средства массовой информации выделяли трех литераторов: Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Глеба Успенского.

Труд сегодня не в почете

– Когда вы писали «Житие святого Глеба», вы выбрали достаточно необычную форму: повествование идет от лица друга Успенского, Ивана Харламова, для чего вам пришлось как бы проникнуть в сознание человека, жившего в 1860-1870-е гг. Вы когда-нибудь задумывались, что было бы, если бы вы родились в 1840 г.? Это ваша эпоха?

– (с жаром) Это моя эпоха, разночинская эпоха.

– То есть там вы чувствовали бы себя в своей тарелке?

– Да.

– Я так понимаю, что это было предметом ваших размышлений... Можете поделиться: почему это ваша эпоха? Что из того времени мы можем взять сегодня?

– Эпоха-то была чрезвычайно сложная, особенно после 1860-х, после отмены крепостного права. Это была эпоха, которая по своей экономической и психологической картине созвучна нашему времени – если не сказать первоначального капитализма, то, может быть, «второначального» капитализма. Как и всякое переходное время, она весьма драматична, и характеры людей, живущих в ней, мне всегда интересны, потому что они неоднородны. И их, и саму эпоху нужно постигать не с точки зрения диалектики, а с точки зрения новой философии, которая называется триалектикой. То есть это человек и эпоха в переходном состоянии, когда в ней намешано черт-те чего, и попробуй в ней разберись. Сейчас мы живем в абсолютно схожей эпохе, даже по негативным явлениям: и по разгулу безнравственности, и по количеству самоубийств...

– Пореформенное время, 1860-е гг., считается периодом, когда произросли корни русской революции, всей трагедии XX века...

– А вот мы тоже к этому движемся. По этому поводу я даже писал в одной статье, анализируя основные тенденции развития современной литературы и сопоставляя с тенденциями в литературах других стран, в частности, стран народной демократии, рухнувших в одночасье, – и вот они здорово совпадают. Не хотелось бы, конечно, но какие-то сложности нас ждут, потому что социальная рознь у нас достигает последнего предела. Мы говорим: народ,

народ... А народа российского, как единого общества, сейчас нет. Это не народ, а просто население, не имеющее никаких ориентиров для будущего развития.

– Что могло бы быть таким ориентиром?

– Целеполагание правительства. Сейчас же нет целей, к которым мы идем. Недавно я ехал из Москвы и смотрел на пустые поля из вагонного окна. У нас 41 млн га земли, которые пустуют! Где программа восстановления этих земель? Мы, имея такое богатство, можем весь мир накормить. Это тоже могло бы объединять нас.

– То есть целеполагание должно идти сверху?

– Если это пойдет снизу, то мы еще полвека будем искать консенсус. А целевая программа должна учитывать настроения, которые есть внизу.

– А как вы относитесь к теории малых дел: каждый начнет возрождать что-то на своем участке – и тогда все возродится?

– Да эта малodelьская теория себя не оправдывает. Те же фермеры не могут осуществлять свою работу эффективно в тех условиях, которые для них созданы.

– Ваш герой в предисловии рассуждает о том, что в его время отношение к народу делилось на пренебрежительное и едва ли не отрицающее народ как таковой. Тем не менее, в те же годы зародилось народничество*, интеллигенты решили, что нужно «идти в народ». Как вы считаете, возможно ли такое народничество сегодня?

– Воспользуюсь словами Глеба Успенского: «С народом нельзя слиться, а можно спиться». Интеллигенция у нас никогда, за всю историю России, не была стратой, возглавляющей государство, и не является таковой сейчас. Интеллигента считали человеком оппозиционных настроений, вечно недовольным существующей властью. Рабочий класс у нас исчезает, а интеллигенция живет своей жизнью. Она должна быть мозгом нации, но этот мозг у нас всегда отчуждается от управления государством.

– Глеб Успенский в вашей книге говорит о том, что мыслящий человек не должен стремиться к бесконечному самосовершенствованию – его задача других людей сделать мыслящими.

– У него такая формулировка была: «Превратить эгоистическое сердце в сердце всеобщее».

– А есть ли сегодня мыслящие люди среди молодежи, люди, готовые заниматься такого рода просветительством?

– Современным студенчеством я не удовлетворен, прямо скажу. Основная его масса озабочена не столько тем, чтобы получить знания, которые им пригодятся в дальнейшей работе, сколько тем, чтобы любыми правдами и неправдами получить диплом о высшем образовании. И в любой студенческой группе буквальное единичье людей, которые хотят учиться по-настоящему. Вот на них глаз и останавливается, а другим смотришь в глаза – и видишь пустоту.

– А в сравнении со студентами тридцати-, пятидесятилетней давности?

– Тридцать, пятьдесят лет назад те, кто хотел учиться, были трудолюбивыми людьми, а сейчас у нас труд не в почете, и трудиться никому не хочется. Ведь и наукой сейчас занимаются только энтузиасты.

– Каким вы видите идеального современного студента?

– Честным. Думающим. Трудолюбивым. Склонным к постоянному интеллектуальному совершенствованию, а не так, что кончил вуз – и гуляй. Вы же близко общаетесь со студенческой средой, вам она должна быть понятнее, чем мне. Может быть, разочарование у меня оттого, что я просто не понимаю современное студенчество?

– Взгляд со стороны подчас важнее, но у меня почти такое же разочарование, потому что только единицам что-то надо...

– Давайте хотя бы эти единицы обучать по-настоящему! Плохой студент думает, что все зависит от преподавателя, что тот должен вдалбливать ему в голову, но это не так.

– А идеальный преподаватель – какой он?

– Идеальный преподаватель – это тот же студент, оснащенный еще и жизненным, и профессиональным опытом. Остальные качества у преподавателя и студента должны быть общими. Я не мыслю себе преподавателя, который бы не занимался наукой. Кроме того, преподаватель должен быть требовательным и к студентам, и к себе. Потому что без требовательности мы будем плодить троечников, то есть середняков. Я всегда был требователен, и в то время, когда студент к требовательности относился положительно, мы совместно добились успехов. Ну а сейчас требовательность у студентов не в чести, студент воспринимает такого преподавателя как злодея.

– То есть либерализм со студентами неуместен?

– А что такое либерализм?

– Ну... Мягкие требования, прощение любых...

– (растягивая слова) Прощение ведет к упрощению.

– Сравните современных преподавателей с теми, что учили вас в вузе.

– Мне повезло, что я учился в Саратовском университете: в годы войны сюда перебрались многие преподаватели из Петербурга, Москвы, подготовившие хорошую научную школу. Но не только преподаватели, но и студенты были сильными. Конкурс у нас на филфаке составлял 9 человек на место. Пять экзаменов, проходной балл – 25 баллов из 25. Одна четверка – не проходишь по конкурсу. И уже это само свидетельствует о том потенциале, который имели студенты в то время. Нас 75 человек поступило, а окончил 78 (трое перевелись из других вузов). И за пять лет не было ни одного отчисления! 50% студентов учились только на «отлично». Я на «отлично» не учился, потому что уже со второго курса профессор Евграф Иванович Покусаев, известный щедринист, подключил меня к научной работе кафедры. Я перешел на индивидуальный график и приходил на занятия только договариваться о сроках сдачи зачетов и экзаменов. Все остальное время проводил в научной библиотеке университета.

– Завершая разговор, вернемся к «Житию святого Глеба». Между героями вашей книги возникает спор по поводу того, что есть счастье. Иван Силыч Харламов говорил, что счастье – это упорядоченность жизни, а Глеб Успенский видел счастье в изменчивости. Что такое счастье по-вашему?

– Я эту проблему для себя давно решил – конечно, на основе доморощенной философии. Лет сорок назад я сформулировал это так: «Счастье – это процесс удовлетворения человеком своих потребностей». По-философски широко, но если вдуматься в смысл этой формулировки, то можно увидеть, что счастье нестабильно, что оно процессуально. В действие вступает и социальная атмосфера, существенно влияющая на интересы и потребности человека. Одно дело – удовлетворять свое тело, свою похоть, свои чисто бытовые потребности, другое дело – когда общество интеллектуально и нравственно совершенно. Тогда счастье становится спорадическим явлением как нравственной, так и интеллектуальной жизни.

Примечания:

* «Отечественные записки» – литературно-художественный журнал, выходивший в Российской империи в 1818-1884 гг. (с перерывами). С 1868 г. фактическим руководителем издания стал Н. А. Некрасов, отделом belletrистики заведовал М. Е. Салтыков-Щедрин. С этого момента и до закрытия журнал был проводником народнических идей.

* Глеб Успенский (1843-1902) – русский писатель демократического направления. Автор нескольких циклов очерков, рассказов и повестей о жизни в пореформенной деревне, о быте рабочих, мелких чиновников и бедноты, о духовных исканиях русской интеллигенции. Наиболее известны сборники «Нравы Растеревой улицы», «Разорение».

* Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г.) – документ, резко ужесточивший политику государства в области идеологии и культуры. Михаил Зощенко назван в нем писателем, «давно специализирующимся на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности». К поэзии Анны Ахматовой прилеплен ярлык «салонной»: «Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, ... наносят вред делу воспитания нашей молодежи».

* ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Научно-исследовательский институт Российской Академии наук, созданный в 1932 г. В разные годы здесь работали такие видные литературоведы, как С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, И. П. Золотусский и др. Литературовед и писатель Александр Чудаков, также сотрудничавший с ИМЛИ, в 2011 г. стал обладателем «Русского Букера десятилетия» (посмертно) за роман «Ложится мгла на старые ступени».

* «Малых дел теория» – концепция, выдвинутая в 1880-е гг. публицистом Я. В. Абрамовым, либеральным народником. Он и его сторонники призывали интеллигенцию идти в земские учреждения, работать учителями, врачами, чтобы служить народному благу.

* Народничество – идеологическая доктрина и общественно-политическое движение части интеллигенции Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Сторонники ориентировались на «сближение» с народом. Цель народничества – выработать национальную модель некапиталистической эволюции, постепенно адаптировать большинство населения к условиям модернизации хозяйства.